

Моим матери и отцу

«Разве сочли бы исландцы ненужным возвращение из древних времен живого и здравствующего Эгиля Скáтлагримссона¹?

Разве найдется такой человек, что пожелал бы пропустить момент, когда космическая ракета спустится на огненном столбе из облаков и приземлится на поле? Когда откроется ее дверь и из нее выйдет сам Эгиль — да при всем своем оружии!

Какое незабываемое мгновение, когда к нему обратится Сígурдур Нóрдаль² и поприветствует своего верного старинного друга и друга всех исландцев!»

*(Из «К неизведанным планетам»,
Гíсли Хáлльдорссон, изд. 1958 г.)*

¹ Исландский скальд и главный герой «Саги об Эгиле» (ок. 910 — ок. 990). *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

² Исландский ученый, исследователь старинных саг (1886–1974).

I

(ДАВНЫМ-ДАВНО)

«Жил однажды берсерк-великан с таким злобным характером, что не выносил вблизи себя ничего живого. Поначалу он уничтожал лишь то, что его окружало (а дело было на юге Азии), однако, когда все в пределах досягаемости было перебито, он снялся с места, прихватив с собой немногочисленные пожитки — кусачки размером с дуб и огромную куриную клетку на колесиках. Вот так, впрягшись в курятник, с кусачками наперевес, он двинулся в свой великий опустошительный поход.

Возможно, кого-то удивит, что этакий зверюга пощадил несчастных хохлаток, ютившихся в его задрипанной клетухе. А дело было в том, что в убойном неистовстве у берсерка пропадал всякий аппетит. Он попросту не мог заставить себя есть то, что убивал. Вместо этого он перетаскивал трупы по залитым кровью полям и сваливал их тут и там в огромные кучи. Это был тяжкий сизифов труд, и, когда рабочий день подходил

к концу, берсерк уже был слишком измотан, чтобы приниматься за забой кур со всей сопутствующей тому возней. Шли годы, а он так и не удосужился разорвать в клочья своих клушек, зато мало-помалу приноровился съедать их яйца и получал огромное удовольствие от поглощения целых поколений неродившейся куриной живности. Под стать столь извращенному душевному настрою был и его способ утоления голода: лишь только пернатые страдалицы принимались кудахтать, он хватал их одну за другой и, приложившись к задней части, высасывал из них яйца. Да, жестокой и безбожной была его натура.

Как бы там ни было, а о похождениях берсерка можно рассказать следующее: с курятником на прицепе и кусачками наизготовку свирепствовал он по всему континенту, разя и сокрушая все, что попадалось ему под руку. Перепрыгнув через Босфор, пошел он безобразничать по Европе, а дошагав до реки Эльбы, решил следовать вдоль нее до моря. Природа на берегах Эльбы отличалась красотой и изобилием, но после берсерка повсюду вырастали горы трупов, вода окрасилась кровью, темно-красная слизь протянулась от речного

устья до самого края Земли, где в те времена как раз начинал формироваться остров Тўле¹. Ну или, по крайней мере, его Западные фьорды.

Однажды, проснувшись утром, взялся берсерк, как обычно, сосать своих кур. И вот, когда он поднес к губам последнюю куриную гузку, в его уродливое жевало всосалось не яйцо, а целый живехонький цыпленок. Это чудо приключилось из-за берсерковского метода сбора яиц: он настолько растянул задний департамент несчастной курицы, что птенец умудрился вылупиться внутри собственной матери. Если бы днем раньше берсерк в своем смертоносном разгуле хоть на минуту притормозил, то заметил бы этого птаху, вполне довольного жизнью в заднице курицы-матери и высунувшего оттуда наружу свою желтую голову с целью чего-нибудь поклевать. Но берсерк, как говорится, не притормозил, и поэтому случилось то, что случилось: птенец оказался в его пасти. И если бы зверюга на мгновение не замешкался, остановленный щекочущим ощущением во рту, вызванным пуховым покровом малыша, то

¹ В летописях и на древних картах Исландия называлась Тўле.

цыпленок незамедлительно оказался бы в берсерковом желудке и испустил бы там дух среди белков, желтков и яичной скорлупы.

Челюсть великана поползла вниз. Пытаясь нащупать инородный предмет, он пошарил по нёбу мясистым языком, прочистил глотку, старательно отхаркался, внезапно с силой фыркнул, прокашлялся, запихал в рот пальцы, вывалил наружу язык, подышал по-собачьи, взревел, всю разинул пасть и обследовал ее отражение в блестящей поверхности кусачек. Все напрасно: цыпленок, видите ли, от страха взял да и юркнул в глубокое дупло в коренном зубе берсерка и затаился там, дожидаясь окончания ужасных потрясений. Берсерк, конечно, так бы и застрял в поисках птенца на веки вечные, отрывивая и гримасничая, если бы ранний утренний ветерок не поднес к нему каких-то бабочек. Те привлекли его внимание своим рассеянным порханием над поросшим хмелем полем и призвали к привычной повседневной работе.

Берсерка вновь охватила радость труда. Он рвал и крушил направо и налево в ожесточенной схватке с бабочками, которые мало того что демонстрировали утомляющее безразличие

к собственной судьбе, так еще и норовили залезть в его телесные отверстия, будто там можно было найти что-то хорошее. К вечеру, когда заходящее солнце принялось кровоточить на опустошенные долины и берсерк дал заслуженный отдых своим костям, уставшим от тяжелых дневных забот — беспримерной битвы с бабочками и последовавшего за ней созидания трупных куч, он уже напрочь забыл о прижившемся у него во рту незваном госте.

А цыпленок тем временем неплохо устроился в зубе своего разнузданного хозяина. Как и любая другая мелкота, он с детской наивной радостью принимал все, что преподносила ему жизнь, — будь то пленение его народа, скачки роста или brutальное переселение из теплой родительской задницы в зловонное берсерково ртище. Изменения в жизненной ситуации занимали птенца куда меньше, чем факт, что он овладел искусством писка. Единственное, чего ему не хватало от прежнего жилища, так это возможности время от времени поглядывать на окружающий мир. Теперь редкие проблески этого большого мира долетали до него лишь в минуты, когда берсерк, вопя, вступал

в борьбу со своим извечным противником — жизнью, в то время как сам цыпленок торчал в дырявом берсерковом моляре, словно нищий студент на галерке на генеральной репетиции “Гибели богов”. А так как он не осмеливался рискнуть своей маленькой жизнью и высунуть голову между зубами берсерка, то все, что ему удавалось увидеть, и рассказа-то не стоит: какой-нибудь ополоумевший от страха человек, улепетывающая семейка зайцев или трясущийся куст можжевельника.

Цыпленок же был не просто любопытен — он был юн и любопытен, и такая ничтожная порция зрелищ и близко его не устраивала. Когда берсерк скрежетал зубами, сооружая завалы из трупов, или спал, крепко стиснув челюсти (а делал он это из страха вторжения в него всяких букашек), птенец принимался пиццать изо всех своих цыплячьих сил:

— Можно мне посмотреть? Можно мне посмотреть?

И так до тех пор, пока берсерк не начинал озираться по сторонам, раскрыв в изумлении рот.

— Можно мне посмотреть? Можно мне посмотреть?

Берсерк был не в силах сосредоточиться. Мало того что ему не хватало мозгов докопаться до природы голоса, отвлекавшего его от убивания, так еще, едва он успевал свернуть шею какой-нибудь животине, тут же раздавалось:

— Можно мне посмотреть? Можно мне посмотреть?

О нет! Быть движимым кем-то другим резко шло вразрез с его самоидентификацией! Берсерка охватило смятение — происходящее было выше его понимания: в то время как бездыханные трупы врагов валялись у его ног, в голове эхом разносилось:

— Можно мне посмотреть? Можно мне посмотреть?

И в какой-то момент его толстолобый череп пронзила и пустила там корни спасительная мысль: это, должно быть, его внутренний голос! Берсерк соорудил важную мину и громогласно объявил:

— Я услышал внутренний голос. Мой внутренний голос любознателен. Он хочет видеть, он хочет исследовать. Я хочу видеть. Я хочу исследовать. Узнавать больше и больше. Мне любопытно

все, что живет и умирает (пожалуй, больше то, что умирает), но, так или иначе, это любопытство толкает меня вперед в моем вояже, с другой стороны — совершенно бессмысленном.

До тех пор, пока не появился куриный детеныш, часы в сердце берсерка вовсе не были нежным созданием, лопотавшим “вещ-ность, вещь-ность”, нет, это был мощнейший часовой механизм, который рокотал:

То-фто-не-уббьет-меня-то-фделает-фильнее!
То-фто-не-уббьет-меня-то-фделает-фильнее!
То-фто-не-уббьет-меня-то-фделает-фильнее!
То-фто-не-уббьет-меня-то-фделает-фильнее!
То-фто-не-уббьет-меня-то-фделает-фильнее!..

Так... Где я остановился? Ах да! Когда история дошла до этого места, берсерк как раз находился неподалеку от устья Эльбы. Дорога сюда заняла больше времени, чем ему бы хотелось, а все потому, что теперь его уже не удовлетворяло одно лишь художественное сваливание жертв в кучи, нет, теперь он чувствовал себя обязанным все расчленить и досконально изучить, прежде чем дело

доходило до возведения трупных завалов. Но, похоже, ничто не могло насытить любознательность птенца, которому теперь было доверено руководить изыскательским процессом. Берсерк был совершенно измотан бесконечным размалыванием костей, дроблением камней и раздиранием древесных стволов.

— Можно мне посмотреть? Можно мне посмотреть? — заливался цыпленок, и берсерк надрывался как проклятый.

Нетрудно догадаться, что такой адский труд заездил бы его до смерти, если бы не одно происшествие, спасшее великана от столь плебейской кончины.

Измученный берсерк рухнул на землю и тут же уснул. Лежа на спине с разинутым ртом, он, должно быть, выглядел нелепо, но это был единственный способ заткнуть свой внутренний голос, безустанно пищавший “Можно мне посмотреть? Можно мне посмотреть?” и затихавший лишь по мере того как цыпленком овладевал сон.

На следующее утро берсерк и курицын сын проснулись на луковом поле. В том году урожай лука в Нижней Саксонии был отменным,

обширные заросли тянулись вдоль подножия холма, отделявшего поле от безымянного скопления хижин, беспорядочно сгрудившихся вокруг голого участка земли. Берсерк и птенец встретили новый день, первый — с готовностью к дальнейшим подвигам в битве против жизни, второй — с жаждой открытий в этой же самой жизни.

Заспанный великан вскочил на ноги, в носу и глотке стоял крепкий луковый дух. На тугих зеленых перьях, насколько хватало затуманенного со сна взгляда, переливались капельки росы. Берсерк вдруг ощутил, как свежая земля и лезущие из нее ростки проникают в каждый его нерв, тянутся вверх, в самый мозг, и трезвонят там во все тревожные колокола. Перед мысленным взором молнией пронеслась картина: побегов выстреливаются из почвы, заплетаются в абсурдное кудло, опутывают его ноги и валят наземь. Победа противнику дастся легко: берсерк будет там лежать, совершенно беспомощный, пока не задохнется от луковой вони, а его тело не покроется землей.

И он умрет!

На берсерка нашло исступление. В его груди загрохотали часы судного дня: “То-фто-